

Наша вчерашняя «ссора», должно быть, уже уладилась. Я размышляла.

— Что такое, ты будто не здесь?

Я пришла в себя, улыбнулась и ответила:

— Нет, все нормально.

Мы с тетей пошли в Большой дворец посмотреть выставку. Поскольку время было еще рано, мы сидели на скамейке под открытым небом на Елисейских полях и болтали, рядом с нами сидел пожилой джентльмен в черной шляпе и читал газету.

— Но твое выражение лица говорит, что не все нормально.

Тетины «допросы» всегда тяжело было переносить, и я решила поскорее сменить тему:

— Куда ты еще хочешь пойти после выставки?

— Как? Не пойдешь с тетей? Свидание?

Я не знала, смеяться мне или плакать:

— Нет. Никаких свиданий.

Тетя вздохнула и похлопала меня рукой по колену:

— Я тоже много думала прошлой ночью. Этот человек так много для тебя сделал, что точно не оставил тебя равнодушной.

Я сказала, глядя на двух голубей на дороге:

— Да. В конце концов, я тоже лишь обычный человек.

— Не думаю, что он — обычный человек.

Я повернула голову и взглянула на тетю:

— Тетя, он правда тебе не нравится, - это было утверждение.

— Никому не понравится человек, который везде все рассчитывает, даже если у него хорошие намерения. Если в какой-то момент он тебя разлюбит, что тогда ты будешь делать? – в конце концов тетя серьёзно сказала: - Аньцзе, вы уже встречаетесь? Тетя никогда не собиралась контролировать твою жизнь, но все же я должна сказать: я не одобряю, что вы вместе.

Честно говоря, я сама не знаю, к чему это может привести, будь я с ним.

Тетя сказала, что на самом деле мы лишь учимся быть вместе. Но дело дошло до непредвиденной ситуации. И расстаться, скорее всего, будет сложно.

Дело не в том, что я не могу без него жить, а в том, что я не могу поступить с ним жестоко.

Но я не хотела беспокоить тетю, по крайней мере, не хотела портить ей настроение. Поэтому сказала тете:

— Сегодня я весь день буду сопровождать тебя по Парижу.

После выставки мы прошли по нескольким характерным для Парижа достопримечательностям: Елисейские поля, площадь Согласия, Нотр-Дам-Де-Пари... Раньше, когда тетя приезжала, она всегда торопилась, но на этот раз она решила просто наслаждаться жизнью.

Вернувшись в отель, уставшая тетя прилегла отдохнуть, чувствуя, что должна подчиниться своему преклонному возрасту.

Поскольку лечь спать было еще слишком рано, я не хотела впустую ворочаться в кровати, поэтому, предупредив тетю, пошла вниз немного прогуляться.

Отель моей тети находился недалеко от Елисейских полей, и я медленно шла в направлении Триумфальной Арки, глядя на Эйфелеву башню вдалеке. Это культовое строение Парижа французы в свое время сочли уродливым, когда оно было впервые построено, и даже хотели снести, но позже оно стало визитной карточкой Франции. Конечно, хорошее и плохое в людях и вещах иногда определяется окружением и временем.

Я снова подумала о Си Сичэне: хороший он или плохой, в конце концов. Никак не могу определиться. Но я не могу отрицать того, что он очень хорошо ко мне относится.

Я подумала о нем, и он сразу позвонил. Это и правда удивительно.

— Где ты?

— Подхожу к Триумфальной арке.

— Я скоро приеду.

— Хорошо.

Через десять минут я была у Триумфальной арки. С наступлением ночи здесь было мало людей. Я подняла голову на высокий барельеф и восхитилась. Независимо от того, сколько раз я была здесь, я все так же очарована этим произведением искусства, которое оставалось изысканным и через двести лет, несмотря на ветер и дождь. Я несколько раз огляделась, пока не почувствовала, что кто-то пристально смотрит в мою сторону. Я оглянулась: это был иностранец.

Он улыбнулся и подошел ко мне, дружелюбно со мной заговорив:

— Здравствуйте, — сказал он по-английски.

Я по-французски ему ответила:

— Здравствуйте.

— У вас хорошее произношение, — сказал он в этот раз по-французски, и уголки его губ приподнялись.

— Спасибо.

— Не желаете прогуляться со мной?

Как только я хотела что-то сказать, как чья-то рука обняла меня за плечи, и человек за моей спиной бегло сказал на английском:

— Прошу прощения, но она со мной.

Я повернула голову и, увидев привлекательное лицо, непроизвольно сказала:

— Так быстро?

Си Сичэнь взял меня за руку, крепко сжав свои пять пальцев, сказал:

— Простите, что покидаем вас, — вежливо сказал он иностранцу, стоящему перед нами.

Договорив, он потянул меня вперед.

— Что такое? — шаги его были торопливыми и не успокаивались. Казалось он будто не в ладах с собой. Я не могла понять его.

— Не могу смотреть, как другие мужчины имеют те же мысли, что и у меня.

— ...

Си Сичэнь внезапно остановился, спокойно посмотрев на меня. Через пару секунд он вздохнул и сказал:

— Аньцзе, я люблю тебя.

Я остановилась. Это был второй раз, когда он сказал о любви. В прошлый раз я никак не отреагировала, но в этот раз мне следовало что-нибудь сказать.

В глазах Си Сичэня мелькнула улыбка, затем он притянул меня к себе и обнял. Я позволила ему обнимать меня, Париж - романтическая столица, повсюду обнимающиеся и целующиеся парочки, и прохожие не обращают на них внимания.

Пары?

Вдыхая запах его тела, я ощутила чувство покоя, которого уже давно не было.

— Си Сичэнь, не хочешь увидеться с моей тетей?

Около пяти секунд его тело вообще не двигалось.

Это своего рода обещание, что я собираюсь продолжать с ним встречаться.

— Тетя, должно быть, разозлится... — слова, исполненные чувства вины, были прерваны, когда я задохнулась в поцелуе. Я не знала, сколько времени это длилось. Он отступил и прижался своим лбом к моему, и наше дыхание было слегка сбивчивым.

Я утхомирила сердцебиение в груди.

— Ты можешь больше не целовать меня в публичных местах? — несмотря на то, что такое поведение здесь является обычным явлением, я все еще чувствовала себя неловко. Но, должна признать, больше всего мне не по себе от его близости.

Я услышала его низкий невнятный голос:

— Трудно сдерживать чувства.

Когда мы вернулись в отель к тете, было почти восемь часов вечера.

— Я вернулась.

Тетя сидела на кровати и смотрела телевизор. Она обернулась и улыбнулась, но, когда она увидела человека, стоявшего рядом со мной, ее настрой изменился.

— Тетя, это Си Сичэнь.

— Я не забыла его, не нужно представлять.

Я немного смутилась, подошла и взяла ее за руку, как бы извиняясь.

Тетя посмотрела на Си Сичэня с явным неодобрением:

— Молодой человек, у вас есть возможность уйти. Если вы сейчас уйдете, я не скажу ничего более.

Си Сичэнь лишь равнодушно поздоровался кивком головы и шагнул вперед.

— Я все же старше, — напустила на себя строгий вид тетя.

— Да, — он слегка улыбнулся, — вы — тетя Аньцзе. Разумеется, вы старше.

Я впервые услышала от него «вы».

— Тебе следует знать, что ты мне не нравишься.

— Нравлюсь я вам или нет, это совсем не важно.

Тетя замерла:

— Кто-нибудь тебе говорил, что ты очень равнодушный и заносчивый?

— Много раз.

— Зачем тебе Аньцзе?

Си Сичэнь повернул голову и взглянул на меня. В его глазах были понимание и нежность, которые лишь я могла видеть, и от этой нежности я была как на иголках:

— Я пойду заварю чай.

— Такая робость не похожа на тебя, Аньцзе, — не позволила мне уйти тетя.

Я замерла и улыбнулась ей:

— Тетя шутит.

— Госпожа Линь, — в его ровном голосе нельзя было различить каких-либо эмоций, — я не хотел бы ее смущать, но еще больше не хотел бы, чтобы вы ее смущали.

— Что? Ты будешь меня учить?

Си Сичэнь ответил с каменным лицом:

— Аньцзе почитает вас, значит, и я буду уважать вас.

— Если бы я не была любимой тетей Аньцзе, то как бы ты ко мне относился? Раз мы уже заговорили об этом, я не буду скрывать. За последние два дня я попросила своих друзей в Китае найти кого-нибудь, кто проверит вас. Аньцзе об этом ничего не знала. И хочу сказать тебе, молодой человек, что твой бизнес обогатился. Я дожидаясь до моего возраста и впервые вижу такого «молодого и многообещающего» человека.

Си Сичэнь посмотрел мне в глаза:

— Госпожа Линь, если есть какие-либо вопросы, вы можете напрямую спрашивать меня. Вам не нужно так сильно беспокоиться.

— Что, занервничал? Успокойся, ты, должно быть, знаешь, что с твоими талантами мало что можно найти о тебе во внешнем мире.

— Что вы хотели узнать?

— С умными людьми легко разговаривать. Мне все равно, как ты дошел до этого уровня, и мне все равно, насколько ты богат, какой у тебя статус. Я лишь хочу знать, что тебе нужно от Аньцзе. И не говори мне, что это любовь.

— В таком случае, — его холодный голос стал немного тише, — как насчет одержимости? Эта

причина приемлема?

Тетя остолбенела, повернула голову и взглянула на меня. Я лишь улыбнулась, но напряжение внутри усилилось.

— Двенадцать лет, этого достаточно?

Не замечала так долго, двенадцать лет...

Тетя холодно улыбнулась:

— Ты неразговорчив? Это расходится с мнением о тебе во внешнем мире. Ты считаешь, я могу поверить этим пустым словам?

— Можете верить мне или нет, для меня это не имеет значения.

Тетя холодно фыркнула:

— Если послушать тебя, то ты влюбился в мою племянницу, в Аньцзе, в десять или восемь лет. Почему же ты говоришь об этом сейчас? — слова моей тети немного резкие, — особенно в последние несколько лет, когда она страдала, где же ты был? Не нашел её. Зная об этом..

— Расширял дело, — глаза Си Сичэня были спокойны, когда он посмотрел на меня, — когда она уехала за границу, я как раз сменил родителей в компании, в которой был полный хаос, и Цзянь Чженьлинь всё ещё не лишился влияния. Мне нужны были гарантии, что у меня будет достаточно сил, чтобы защищать ее, прежде чем я осмелюсь предстать перед ней.

После этих слов тетя от удивления на мгновение потеряла дар речи. Я тоже

— Ты действительно великолепен. Помогаешь Аньцзе мстить семье Цзянь?

Его нежный взгляд всё ещё был прикован ко мне:

— Ей не нравится мстить другим, поэтому и я никогда ничем подобным не занимался. Цзянь Чженьлинь всегда был слишком жадным и ненасытным. Потеря власти для него — лишь вопрос времени. Я лишь наблюдал и ждал перемен.

Сделал не более, чем необходимо. Я не могла не улыбнуться. Чтобы осмыслить его слова, действительно требовалось внимание.

Но что бы он ни делал, вопреки ожиданиям, я чувствовала, что не смогу снова усомниться в

нем.

— Боюсь, тетя надолго рассердилась, — я провожала Си Сичэня. Нажимая кнопку лифта, я, не удержавшись, посмотрела на закрытую дверь.

Си Сичэнь взял меня за руки, переплетая пальца. Небольшая шалость, которую он любил делать:

— Сердишься?

— Я не сержусь, — помотала я головой. Не знаю, мое ли это заблуждение, но Си Сичэнь каждый раз беспокоится о том, сержусь я или нет, даже если это пустяк, — Если честно, я и не знала, что ты такой красноречивый.

— Аньцзе, я не знаю каких-то красивых слов, — как только мы вошли в лифт, он сразу меня обнял, — до сих пор я никогда не говорил об одержимости... — он легко поцеловал меня в щеку, потом в веко.

— Тут камеры.

— Тогда пусть смотрят, я не против.

Я против...

— Аньцзе, хоть я и страдал шесть лет из-за твоей ненависти ко мне, несмотря на это, я счастлив, потому все эти шесть лет ты помнила обо мне. Ты же знаешь свой характер, ты определенно быстро забудешь безупречных людей.

Мою шею обжег его поцелуй.

— Си Сичэнь...

Он вздохнул:

— Будь снисходительна ко мне, я скучал по тебе двенадцать лет. Приедешь сегодня вечером ко мне?

— Ты... — мое лицо невольно запылало.

Он тяжело улыбнулся:

— Ты же думаешь об этом, Аньцзе? — сказал человек, который заставил меня задуматься об этом пару секунд назад.

Он обнял меня сильнее:

— Аньцзе, раньше ты была остра на язык.

Он сейчас меня провоцирует?

— Скажи же что-нибудь, Аньцзе, — его пальцы коснулись моего уха, и я ощутила жар его прикосновения. Раньше, когда он касался меня, он всегда был холоден, — иначе, боюсь, я растеряю все мысли.

— Можно ли тебя считать... благовоспитанным негодяем? — прошептала я. Должна ли я быть благодарна за то, что персонал отеля вряд ли понимает китайский?

Теперь я, наконец, понимаю выражение: все зависит от старания, не нужно говорить, что такова судьба; наш образ мышления определяет то, как мы смотрим на мир; отступи на шаг, и море станет бескрайним, а небо — бесконечным.

<http://tl.rulate.ru/book/30369/1643108>